

Р
О
М
А
Н
Н
О
В

С
И
Н
Д
Р
О
М

Д
А
О

16+

Роман Романов Синдром Дао

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54144094

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96303-0

Аннотация

Герой-рассказчик приключенческой повести "Синдром Дао" отправляется в Китай изучать даосские премудрости, предвкушая занятия под началом опытного учителя. Он не подозревает, что его ожидает не только приятное общение с Мастером и красавицей-переводчицей, но и череда загадочных событий, быть участником которых его вынуждают обстоятельства. Герой становится свидетелем необъяснимых, а подчас и пугающих совпадений, но смысл их сможет понять лишь спустя много времени. Однако самым большим испытанием окажется столкновение с собственным прошлым, отпустить которое – первая и самая необходимая задача на пути начинающего даоса.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Глава шестая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Роман Романов

Синдром Дао

Глава первая

Я ступил на подножку международного поезда «Владивосток – Харбин», сделав первый шаг в неизвестность. Конечно, можно было сесть в самолет и уже через час приземлиться в Китае, но я нарочно выбрал путь подольше. В дороге я хотел освободиться от одной навязчивой идеи: мне казалось, что, оставляя дом, я поступаю не очень красиво. Эта мысль изводила, как ноющие десны: вроде бы и не больно, но спасу нет ни днем, ни ночью; все твое естество подчинено одной цели – поскорее избавиться от напасти.

Неторопливое путешествие в люксовом вагоне надежно спасало от угрызений совести. Мерный стук колес успокаивал, и порой я впадал в упоительное забытие, созерцая мелькавшие за окном однообразные пейзажи. В такие минуты в голове возникали случайные образы – они были размыты и не до конца оформлены, как смазанные скоростью силуэты деревьев; коснувшись окраин сознания, они тут же исчезали.

Мне нравилось исполнять несложный ритуал вагонной жизни. Я с удовольствием протягивал на проверку документы, а затем тщательно прятал их обратно в пиджак. С удо-

вольствием ожидал в коридоре, когда мне и моему попутчику-студенту расстелют свежее белье. С наслаждением пил крепкий чай, размешивая сахар в стакане и любуясь мельхиоровым подстаканником. С удовольствием шел по синей ковровой дорожке в уборную, где споласкивал лицо и руки теплой водой.

Поздно вечером, переодевшись в пижаму, я забрался под одеяло, предвкушая погружение в непроницаемую материю сна, куда нет доступа ни звукам, ни образам, ни мыслям дневного существования. Главное – мыслям: нет-нет, только не им!

Однако спрятаться в небытие не удалось. Всю ночь мне снились тысячи иероглифов. Они наводили ужас, но одновременно и завораживали. Они были живыми, двигались вокруг меня в пространстве, дышали и видоизменялись, перетекая один в другой. Ни одно из этих иероглифических существ не было мне знакомо, их лица и имена ни о чем не говорили. Казалось, они настойчиво пытаются передать мне важное послание: вокруг гудело и вибрировало мощное смысловое поле, однако разгадать его смысл я был не в состоянии.

Потом я заметил, что ко мне стремятся пробиться два человекоподобных иероглифа. Они походили на крепких парней: у них имелись руки и ноги, их коренастые фигуры были одинаково подпоясаны, а голову обоих венчали китайские конусообразные шляпы. «Парни» вырвались вперед и, под-

бежав ко мне, одновременно протянули «ладони» для рукопожатия. «Меня зовут Хуан», – представился один; от его прикосновения на моей коже словно остался жирный след. «Меня зовут Гао», – сказал другой, и, пожимая его руку, я будто сжал пальцами концентрированную пустоту.

«Мы живем в тебе, мы часть тебя, – наперебой заговорили «парни». – Хотим предупредить, что в твое тело прокралась коварная болезнь». «Она поселилась прямо надо мной», – воскликнул Хуан. «И прямо подо мной», – добавил Гао. «В эти места не может попасть лекарство, – снова в один голос заговорили они, – и болезнь невозможно излечить!..»

Едва «парни» промолвили это, их смели в сторону другие иероглифы, напиравшие сзади. Я подумал, что эта толпа сейчас меня раздавит, и испытал приступ панического страха...

От испуга я проснулся – в поту, с учащенным дыханием. Я даже не сразу понял, где нахожусь. Перед глазами продолжали мельтешить причудливые существа из сновидения. Лишь минуту спустя образы, встревожившие мое сонное сознание, померкли. Я с облегчением перевел дух, осознав наконец, что вернулся в уютную и безопасную реальность бодрствования. Еще через несколько секунд вспомнил, что лежу в купе спального вагона.

Мы стояли на какой-то станции. В окно светило утреннее солнце, и в поезде было совсем тихо – наверняка люди в соседних купе еще не проснулись. Идиллическую тишину нарушал лишь приглушенный голос моего попутчика: он что-

то произносил по-китайски.

Я повернул голову и увидел, что студент, причесанный и одетый, сидит у стола и читает предложения из учебника китайского языка. По звучанию я догадался, что парень пытается запомнить отдельные фразы: он повторял один и тот же упорядоченный набор слогов до тех пор, пока даже я не начинал вычленять их на слух и связывать в непонятное, но явно имеющее смысл единство.

Некоторое время я сквозь прикрытые веки наблюдал, как студент сосредоточенно шевелит губами, издавая какие-то птичьи звуки. Неожиданно я насторожился: мое внимание привлекли два слога, показавшиеся до боли знакомыми. «С каких это пор я начал узнавать китайские слова? – молча удивился я. – Может, во мне заговорила память поколений?». Но тут же сообразил, что никакая это не память поколений – слоги эти я только что слышал во сне! Да-да, так звали моих «друзей» из сновидения – Гао и Хуан. Совпадение показалось мне занятным, и я постарался вместе со студентом запомнить звучание коротенькой фразы: *«бин жу гао хуан»*.

Немного погодя, выполнив утренний ритуал умывания и чаепития, я попросил молодого человека перевести на русский язык интересовавшее меня высказывание. Парень удивленно на меня взглянул. Я объяснил, что случайно запомнил это предложение на слух, как музыкальную фразу, а теперь сгораю от любопытства узнать, что же оно означает.

Студент уже успел забыть фразу и полез в учебник. Немного порывшись в книге и найдя нужное место, он прочел перевод: «*Болезнь поразила жизненно важные органы*».

– О, господи! – вздохнул я. – Ничего приличнее я, конечно, запомнить не мог. А что здесь означают слова «гао» и «хуан»? Надо полагать, «жизненно важные органы»?

– Не совсем так, – возразил студент. – «*Хуан*» значит «жир вокруг сердца», а «*гао*» – «пространство между сердцем и диафрагмой».

– Вот как? – заинтересованно проговорил я, тут же вспомнив рукопожатие во сне: товарищ Хуан оставил у меня на ладони явственное ощущение жира, а товарищ Гао – черной пустоты, провала, каким, вероятно, и бывает *пространство между*. По всему выходило, что между моим сном и реальностью (по крайней мере лингвистической) существовала какая-то взаимосвязь. Мне нужно было срочно с этим разобраться.

Я поблагодарил попутчика за помощь и поспешно вышел в коридор. Встав у окна, прислонился лбом к прохладному стеклу.

«В твоё тело прокралась коварная болезнь», сказали парни в сновидении, и это напрямую перекликалось с фразой из учебника. «Мы часть тебя», – заявили Гао с Хуаном – и опять налицо связь с китайским предложением. Раз уж «хуан» означает *жир вокруг сердца*, а «гао» – *пространство между сердцем и диафрагмой*, то логично предположить, что

они действительно мои внутренние органы (как бы дико ни звучали эти термины с медицинской точки зрения). Выходит, мои собственные органы приняли в сновидении столь странный вид, чтобы просигнализировать о каком-то серьезном заболевании?!

Хорошо, я готов был согласиться с этим бредом, но смущала одна деталь. Предположим, студент читал китайскую фразу еще до моего пробуждения, и я ее услышал во сне. Допустим также, что мое подсознание преобразовало звучащие слова в столь причудливое видение. Но ведь смысла-то предложения я понять никак не мог, потому что по-китайски не знал ни единого слова!

Здесь мои попытки логически осмыслить странное совпадение зашли в тупик, и я вернулся в купе. До Харбина оставалось чуть больше часа, и я спросил попутчика, могу ли еще немного его поэксплуатировать: я хотел научиться произносить по-китайски несколько слов, чтобы поздороваться на вокзале с девушкой-гидом и спросить, как у нее дела.

– «Здравствуйте» по-китайски будет «*ни хао*», – сообщил студент, – а чтобы сказать «Как поживаете?», надо к этому «*ни хао*» прибавить вопросительный хвостик «*ма*» – «*ни хао ма?*».

– Это что же получается? – удивился я. – Выходит, если произнести слово «здравствуйте» с вопросительной интонацией, то оно у них сразу превратится в «Как дела?»

– Все становится ясно, если знаешь дословный перевод

этих выражений. – объяснил парень. – «*Ни хао*» буквально означает «Ты хороший». А «*Ни хао ма?*», соответственно, переводится как «У тебя все хорошо?»

Попутчик записал на бумаге еще несколько фраз, рассказал о четырех китайский тонах, похвалил мою способность быстро запоминать иностранные слова и правильно их произносить. Мы с энтузиазмом позанимались минут двадцать, а потом замолчали и не общались уже до самого конца пути. Он вернулся к учебнику, а я без конца повторял про себя китайское приветствие.

Я поймал себя на том, что произношу «*ни хао*» как мантру: «Ты хороший. Ты хороший. Ты хороший». Ласковый второй тон и утвердительный третий вносили в сознание приятное успокоение. «Ты хороший», уговаривал я сам себя. «Ты хороший», повторял я вопреки тому, что люди обычно говорили мне в лицо. «Ты хороший», упрямо старался убедить я себя и чувствовал, что постепенно начинаю в это верить.

Внезапно внутри меня словно ослаб узел, много лет туго затянутый и не дававший выйти наружу тревоге, унынию, напряжению и отчаянию. Я ощутил, как мое внутреннее пространство между сердцем и диафрагмой свободно развернулось, и сделал невообразимо глубокий, бесконечно долгий вдох. А вместе с выдохом я исторг из себя все то, что тяжким грузом сдавливало сердце, иссушало желания и сводило мою жизнь к унылому, беспросветному прозябанию.

Глава вторая

Я вышел на перрон и сразу же увидел ее. Сун Лимин стояла у вагона в черном плаще, прижимая к груди белую табличку с моим именем. Для китайянки она была слишком высока и неправдоподобно красива – гораздо красивее, чем на фотографии в Интернете. Черты ее лица – прямой нос, чувственный рот, округлый подбородок – подкупали идеальной правильностью. На всем облике девушки лежала печать аристократической утонченности. Ее не по-китайски огромные глаза были полны безмятежности, но вместе с тем их черная глубина, казалось, мягко вбирала окружающее пространство, сминала его и неумолимо засасывала в космическую бездонность, притаившуюся за радужной оболочкой. Сун Лимин стояла неподвижно, словно изваяние, и в то же время создавалось впечатление, что она парит над сотнями ярко одетых низкорослых китайцев, оживленно сновавших вокруг. В своей отрешенности она казалась бесконечно далекой и недостижимой для остального мира с его шумом и суетой.

Впрочем, ощущение холодной неприступности, якобы исходившей от фигуры и лица Сун Лимин, тут же рассеялось, едва я приблизился к ней и сбоку огласил воздух отрепетированным «*Ni hao!*».

– Ой, привет! – радостно воскликнула девушка, поворачи-

чиваясь ко мне всем телом. Взгляд ее, за секунду до этого погруженный в иные сферы бытия, тут же оживился, стал теплым и лучистым. – Ты что, знаешь китайский язык?!

– *Dui!* – с самым небрежным видом проговорил я, словно разговаривать по-китайски было для меня самым обыденным делом. – *Ni hao ma?*¹

– *Wo hen hao,* – глядя с каким-то детским восхищением, ответила Сун Лимин. – *Ni na?*²

– *Нина?* – удивленно переспросил я, искренне полагая, что она, подобно китайским собратьям, решила называть себя по-русски для моего удобства. – Ты хочешь, чтобы я звал тебя Ниной? Но мне больше нравится твое настоящее имя.

Несколько секунд девушка с недоумением смотрела на меня, а потом расхохоталась. Ей было так смешно, что она даже выронила из рук табличку.

– Ну ты и шутник! – с очаровательной наивностью в голосе воскликнула Сун Лимин. – А я-то и вправду поверила, что ты говоришь по-нашему!

Я с таинственным видом вытащил из кармана листок, где студент написал несколько китайских предложений. Выразительно прочел две последние фразы из своего лингвистического арсенала: «*Wo de han yu shuo de bu hao. Zai jian!*»³, – и, театрально поклонившись, убрал «разговорник» обратно.

¹ Да... Как дела? (*кит.*)

² У меня все хорошо... А у тебя? (*кит.*)

³ Я плохо говорю по-китайски. До свидания! (*кит.*)

– Ой, тебе надо в цирке работать, – качая головой и вытирая слезы смеха, сказала Сун Лимин с той же подкупающей детской непосредственностью. – Я сто лет так не хохотала!

Я молча усмехнулся: глядя на меня, вряд ли кому-то в голову могла прийти такая мысль. Мне, сутулому дохляку, со взглядом исподлобья и вечно хмурым лбом, на котором уже в двадцать лет поселились нестираемые морщины, – и вдруг на арену цирка, да в клоунском колпаке! И впрямь обхохочешься.

Вслух я, конечно, ничего не сказал, чтобы милую Сун Лимин в первый же день не начало тошнить от моего брюзжания. Я просто улыбнулся девушке и последовал за ней к выходу из вокзала. Позади меня, прихрамывая, катился неудобный отцовский чемодан. У него с незапамятных времен было поломано колесо, и, наверное, с тех же времен на его потрескавшейся рыжей коже остался ярлык иностранного аэропорта, где когда-то приземлялся старик...

Мы вышли на привокзальную площадь. Ее чудовищные размеры потрясли меня: мощенная серыми плитами территория простиралась так далеко, что края наполовину скрадывал белесый туман. Однако настоящий шок пережил я при виде огромного скопления азиатов, наводнявших пространство перед вокзалом. Многотысячная армия проворных китайцев напоминала живую массу – она волновалась и желеобразно перетекала из стороны в сторону, словно увлекаемая порывами ветра. Частицы этой массы сталкивались,

разлетались и вновь сближались, проникали друг в друга и устремлялись кто куда. Броуновское движение сопровождалось оглушительным шумом, гортанными выкриками и непрерывным гудением, как от электропроводов с высоким напряжением.

Внезапно вспомнился мой предрассветный сон. Так вот же они, тысячи живых иероглифов, готовых смять и безжалостно растоптать все на своем пути, если не дай бог попадешь им под ноги! Сейчас смысл моего метафорического видения прочитывался максимально прозрачно и ясно. Выходит, странный сон снова предвосхитил явь, он будто подготовил меня к реальному «столкновению» с великим китайским народом. Глядишь, скоро и мои приятели, Гао с Хуаном, явятся во плоти.

Обалдев от светопреставления на привокзалье, я не сразу сообразил, что Сун Лимин тянет меня к стоянке такси – они выстроились длинными рядами слева от выхода. Девушка шагала впереди, уверенно лавируя между шебутными китайцами и автомобилями.

– Идем быстрее! – деловито крикнула она через плечо. – Иначе будем целый час стоять в очереди за машиной.

– А может, лучше по телефону такси вызвать? – неуверенно предложил я.

– Это еще зачем? – удивилась моя провожатая.

– Ну, дешевле будет, – изо всех сил стараясь не отставать, объяснил я. – Наверняка таксисты на вокзале втридорога бе-

рут. У нас, по крайней мере, так.

– Не говори глупостей, – фыркнула Сун Лимин. – Мы же не в России – здесь все по счетчику платят.

Я почувствовал себя жалким кретином. Стыдно признать-ся: дожив почти до сорока лет, я даже в России нигде не бывал, кроме родной провинции. И вдруг, как с корабля на бал, попадаю из сонной глубинки в кипящий жизнью Харбин, где десять миллионов человек живут по законам огромного мегаполиса, а я тут со своими сельскими правилами лезу! Ну не идиот ли? Опустив голову, чтобы китаянка не увидела мои пылающие щеки, я дал себе слово впредь не соваться с дурацкими рацпредложениями.

Нам повезло сразу же сесть в свободный автомобиль. Водитель – пузатый, как статуя Будды, и столь же невозмутимый – тронулся с места и включил счетчик: высветилась посадочная сумма в восемь юаней. Он повернул голову и выстрелил в Сун Лимин вопросом на своем наречии – будто хрипло кашлянул два раза. Та что-то кратко ответила и обратилась ко мне.

– Ты хочешь поехать в гостиницу или немного покататься по Харбину? – спросила она. – Можно посмотреть кое-какие достопримечательности, а то завтра времени на это уже не будет.

– Ну конечно, давай прокатимся по городу, – отозвался я. Не то чтобы мне хотелось поскорее совершить обзорную экскурсию – после долгой поездки я бы с большей радостью

забрался в горячую ванну, – но сидеть рядом с Сун Лимин было так приятно, что я немедленно согласился.

Получив от меня ответ, девушка дала указания водителю – тот флегматично кивнул. Он осторожно вырулил с площади на шоссе и покатил по идеально ровному асфальту.

Удручавший меня туман мало-помалу рассеялся. Лучи солнца разогнали монолитную серость – и неожиданно открылось дивное многоцветье Харбина. Небо опрокинуло на город пронзительную синеву, окутав прозрачной голубоватой дымкой все вокруг: белые и кремовые высотки, обтекаемые строения с зеркальными панелями, лихие завихрения дорожных развязок и даже полотно автострады. Я пребывал в молчаливом восторге от красоты, мелькавшей за окном. Разумеется, я видел тысячи фотографий с видами зарубежных городов, запоем смотрел передачи о чудесах света, но наяву погружаться в чудо мне пока не доводилось. Наверное, именно поэтому я не до конца верил в реальность происходящего.

Сун Лимин увлеченно щебетала, рассказывая о зданиях, парках и площадях, проплывающих мимо. Поначалу я честно слушал, пытался запоминать диковинные названия этих мест, но потом незаметно переключился на саму девушку. Рассказывая что-то о видах из окна, китайка иногда касалась меня рукой – и центр моего внимания совершенно естественно смещался к ее ладони, пальчикам, густым черным волосам. Вслед за центром внимания смещался я сам, и то-

гда мы ненароком соприкасались локтями, тут же тактично отрывались друг от друга, чтобы через минуту снова соединиться. Экскурсия оказалась чертовски увлекательной.

– Смотри, смотри – башня Дракона! – воскликнула Сун Лимин, указывая на возникшую впереди серую стрелу, что пронзала острием небо. Прильнув к стеклу, я наблюдал, как она медленно приближается, растет, обрастает плотью, а ее монотонная поверхность вдруг становится ажурной и начинает играть на солнце прихотливыми оттенками. Через минуту стрела превратилась в подобие гигантского межпланетного корабля – с близкого расстояния его было невозможно целиком охватить взглядом.

– Ты когда-нибудь был в телебашне? – поинтересовалась Сун Лимин, голосом возвращая меня в чувство.

– Нет, конечно, – пожал я плечами. – У нас в городе ее и в помине нет.

– Тогда вечером мы обязательно сюда приедем, – объявила девушка. – Будем любоваться Харбином со смотровой площадки.

– Что, прямо на самый верх заберемся? – уточнил я, похолодев. С детства испытывая панический страх перед высотой, я даже не отваживался один выходить на балкон.

– Ну, не на самый, – беспечным тоном откликнулась Сун Лимин. – Вон до той «тарелки» поднимемся, это и есть площадка. Там внутри ресторан и бар, заодно отметим начало твоего путешествия.

– Ладно, посмотрим, – уклончиво сказал я, надеясь до вечера найти какую-нибудь приличную отговорку и не подвергать себя жестокому испытанию.

– Смотреть тут нечего – просто пойдем, и все, – категорично заявила китаянка. – Иначе потом всю жизнь будешь жалеть, что упустил такой шанс! А сейчас едем в гостиницу.
*Shi fu, dao dong fang bin guan qu!*⁴

⁴ Водитель, в гостиницу «Восток»! (кит.)

Глава третья

Мы расстались у дверей моего гостиничного номера. Сун Лимин сказала, что уходит по делам, но через пару часов вернется, и мы пойдем обедать. У меня было достаточно времени, чтобы принять душ, побриться и вздремнуть с дороги.

Раньше мне не доводилось жить в отелях, и сейчас я испытывал сладкое чувство странника, сделавшего первый привал на пути к новой жизни. Оставшись в номере один, с любопытством осмотрел помещение. До меня здесь наверняка останавливались тысячи туристов. Интерьер имел потасканный и усталый вид: углы безликой мебели были сбиты, тусклое зеркало висело в треснувшей раме, псевдонациональный деревянный комод выставлял напоказ облезлые бока. Допотопный пузатый телевизор поминутно терял цвет изображения, а звук в нем отсутствовал в принципе.

Впрочем, обстановка в номере меня мало тревожила – гораздо больше смущали огромные пауки, летавшие по ванной комнате. Ничего не подозревая, я зашел в санузел, как вдруг с пола прямо на меня скакануло грациозное насекомое. Технике его затяжного прыжка позавидовал бы сам Барышников⁵, но я был плохим ценителем балетных тонкостей

⁵ М.Н. Барышников (род. в 1948 году) – выдающийся советский и американский танцор балета, обладатель виртуозной техники и непревзойденного стиля исполнения классического и современного танца (*здесь и далее – прим. Р.Р.*).

и, едва не умерев от омерзения, прихлопнул его тапочкой. Я огляделся и заметил под раковиной еще одного восьмипалого виртуоза, готового к сольной партии. Не дожидаясь очередного *жете* себе в физиономию, запустил в него той же тапочкой-убийцей. Только убедившись, что больше ни одна прыгучая тварь не угрожает мне нервным срывом, я разделся и залез под душ, однако то и дело подозрительно озирался в ожидании еще какого-нибудь сюрприза со стороны здешних обитателей.

Наскоро одевшись и выйдя из ванной, я блаженно вытянулся на кровати с намерением погрузиться в освежающий сон. Я довольно быстро задремал, но уже через несколько минут меня разбудили громкие голоса в коридоре. Несколько человек возмущенно кричали по-русски, а в унисон с ними щебетала на своем языке девушка-китаянка. Должно быть, в гостиницу заселялась группа моих соотечественников, и сейчас они «наезжали» на горничную, пытаясь объяснить ей что-то с помощью жестов и русского мата. Я раздраженно слушал интернациональную перебранку, ожидая, когда они уладят свои проблемы и я наконец-то смогу по-человечески уснуть. Однако вторично заснуть мне не удалось даже после того, как в коридоре воцарилась тишина. Вместо этого в голову опять начали лезть мысли, от которых я всю дорогу пытался убежать.

Мысли были об отце. Вряд ли я отправился бы странство-

вать, если бы мне в голову не пришла идея оставить его в клинике на второй срок. Конечно, не в том кошмарном отделении, где он бесплатно провел отведенные государством двадцать один день. Что вы, там и нормальный человек свихнется за это время!

Бывало, я шел к нему в палату по серой кишке коридора, куда свет поступал лишь из редких окон-бойниц. По обеим сторонам сумрачного тоннеля беззвучно копошились полулюди-полупризраки. Своим видом они были способны устрашить самого храброго посетителя. Одни сидели неподвижно, навеки застыв в нелепой позе. Другие без конца повторяли одинаковые телодвижения: старик в бесформенном халате поднимал и опускал руку, словно совершал нацистское приветствие; молодая рыжая дама медленно возводила глаза к потолку и в трагическом жесте закрывала лицо обеими руками. Третьи отличались повышенной суетливостью: непрестанно вращались вокруг себя, сбрасывали с тела несуществующих насекомых, терли ладонями шершавую стену, пытаясь стереть пятно, видимое только им. Каждый был поглощен своим занятием и не обращал ни малейшего внимания на остальных. Лишь изредка кто-то провожал меня глазами, и тогда я весь холодел изнутри от потустороннего взгляда, в котором не было ничего человеческого.

Именно такой взгляд был у отца в тот день, когда мне пришлось вызывать санитаров скорой помощи. Он по обыкновению рисовал у себя в «берлоге», а я готовил обед. Внезапно я

услышал, как он зовет меня испуганным голосом. Удивленный, я вытер руки и пошел посмотреть, что случилось. Отец стоял у мольберта и с ужасом вглядывался в правую ладонь.

– *Pom!* – замогильным шепотом проговорил он.

– Что у тебя со ртом? – скептически спросил я, не заметив ровным счетом ничего особенного.

– Я рисовал портрет... вот здесь... на бумаге, – начал сбивчиво объяснять старик, тыча в мольберт с пришпиленным к нему листом ватмана, – и рот... на портрете... заговорил со мной... зашевелил губами! Мне стало страшно... так страшно... я стер его ладонью... теперь он здесь... у меня на руке!..

– Господи, что за чушь ты несешь, – поморщился я и подошел к отцу. – Ну-ка, покажи.

На его ладони действительно были густые следы от угольного карандаша, но они нисколько не напоминали очертания рта. Я велел «художнику» погрузить кисть в таз с водой, что стоял у окна специально для мытья рук. На поверхность спиралью стала подниматься черная взвесь, а вместе с ней всплыли несколько пузырьков. Отец вынул руку и уставился на теперь уже чистую кожу ладони.

– Он захлебнулся! – вдруг в ужасе воскликнул старик. – Я утопил его!

В этот момент из кухни донесся запах горелого мяса. Я вспомнил, что оставил его жариться на сильном огне, и в ярости понесся спасать блюдо. Пока я возился с останками

обеда, из «берлоги» раздался вопль и послышался стук упавшего на пол тяжелого предмета. Вконец озверев, я швырнул сковороду с угробленной говядиной в раковину и ринулся обратно.

Отец с молотком в руках склонился над разбитым бюстом Ленина, подаренным ему по случаю выхода на пенсию. Когда я вбежал в комнату, он как раз наносил вождю контрольный удар по гипсовому черепу.

– Ты что творишь?! – крикнул я в бешенстве.

Старик поднял глаза, и от его взгляда у меня в жилах застыла кровь. В нем не осталось ни капли осмысленности – так мог смотреть лишь полный безумец.

– Рот... рот, – простонал он, глядя куда-то сквозь меня. – Он говорил со мной... ртом утопленника!.. Он сказал... ты ответишь... за погубленную душу... за душу... утопленника... ответишь...

Я медленно попятился, спиной вышел в коридор, а оттуда стремглав убежал к себе в спальню и заперся изнутри. Там с бьющимся сердцем схватил мобильник и набрал номер скорой помощи. Сбивчиво описав ситуацию, я попросил срочно прислать бригаду со смирительной рубашкой. Мне пообещали выслать ближайшую свободную машину, но приехала она только через полтора часа. Нервно ожидая врачей, я не рискнул выйти из комнаты и дважды справлял малую нужду в горшок с геранью.

Смирительная рубашка не потребовалась. Когда бригада

наконец прибыла, отец тихонько сидел на полу в своей «берлоге». Он водил пальцем по линолеуму, старательно обрисовывая квадраты. Старик послушно разрешил санитарам осмотреть себя, однако на вопросы не реагировал. Взгляд его оставался пустым и неосмысленным. Мне велели надеть на отца верхнюю одежду и обувь. Равнодушно поинтересовались, поеду ли я вместе с ним в больницу. Я отказался, сославшись на высокое давление, и сказал, что навещу его на следующий день...

Впервые в жизни я был дома *один!* Я имею в виду, не час и не два, а *постоянно* один. Отныне я мог не бояться, что потревожу дневной сон старика нечаянным шумом. Мне не нужно было обдумывать каждое слово и подавлять малейшее раздражение. Я был волен смотреть телепрограммы на свой вкус, ложиться спать и вставать, когда захочу. У меня отпала необходимость ежедневно носиться в аптеку и гастроном, готовить еду, а также без конца выслушивать обвинения: отец подозревал, что я хочу его отравить. И что самое невероятное, я мог спокойно привести в дом женщину... даже *падшую* женщину, если бы мне вдруг взбрело в голову это сделать.

Только почему-то ничего не хотелось. Первую неделю я пребывал в состоянии крайнего опустошения и душевной (впрочем, физической тоже) подавленности. Я обзвонил частных учеников и отменил все уроки, сославшись на бо-

лезнь. После многих лет непрерывного напряжения я расслабился до состояния овоща и сутками напролет валялся в постели. Вставал только для того, чтобы сходить в уборную да забросить в себя кусок черствого хлеба с сыром. Потом по третьему разу заваривал пакетик чая в невымытом стакане, подслащал бледную воду кусочком сахара и равнодушно выпивал эти помои.

Через неделю я опомнился и помчался в больницу, бросив в пакет смену белья и немного фруктов – купил их по дороге. Когда я вошел в палату, старик лежал на застеленной кровати в полосатой больничной пижаме. Он встретил меня торжественным молчанием и отрешенным выражением лица. Я положил руку ему на плечо и спросил, как он себя чувствует. Отец повернул ко мне голову, но ничего не ответил. Взгляд его, к счастью, больше не был пугающе потусторонним – я бы сказал, он был просто обращен внутрь.

Сестра сообщила, что старику колют сильнодействующие лекарства, поэтому он немного заторможен, хотя вполне адекватно реагирует на окружающий мир. И добавила, что врачи делают оптимистичные прогнозы по поводу сроков выздоровления. Я не видел смысла надолго задерживаться в палате, поэтому оставил на тумбочке чистое белье, забрал домой грязное и поспешил покинуть «обитель скорби».

Странное дело, визит в психбольницу помог пробудить мою жизненную активность. Я снова начал бриться, принимать учеников, а вечерами бороздил просторы Интернета.

Однажды я по обыкновению зашел в группу любителей даосского учения в соцсети. Там всегда можно было прочесть успокоительное изречение Лао-Цзы или цитату из работ его последователей. Каждый день вывешивали новую картинку: какой-нибудь китаец в шелковом халате балдел на фоне пейзажа с водопадом. Изображения иллюстрировали основной принцип даосов – принцип *недеяния*; иначе говоря, помогали без угрызений совести откладывать насущные дела на потом. Я обожал даосскую философию за пофигистский взгляд на мир и научное оправдание бытовой лени.

В тот вечер мне на глаза попался пост с фотографией хорошенькой китайки. Фотограф «поймал» девушку в момент, когда она поворачивала голову. Ее шелковистые волосы от движения разлетелись по сторонам блестящими прядями, это было чертовски привлекательно. Китайская красотка обезоруживающе улыбалась, а пальчик ее указывал зрителю на текст слева от снимка. Взгляд поневоле переместился туда, и вот что я узнал.

Мастер Ван Хунцзюнь обучал всех желающих искусству даосской жизни, и после уроков с ним человек уже не мог думать и жить по-старому, ибо ему приоткрывалась дверь в тайны мироздания. Занятия проходили в старинной деревне на юге Китая, где жил Учитель. Девушка на фото – это и была Сун Лимин – помогала организовывать путешествие, а заодно оказывала услуги гида и переводчика. Внизу указывался электронный адрес, по которому с ней можно было

связаться.

Прочитав пост, я испытал необычайное волнение. Надо сказать, в юности я был пленен книгами «советского даоса» Александра Медведева⁶, но тогда мне и в голову не могло прийти, что обычный человек тоже способен овладеть чудесами, которые он описывал. Сначала мне казалось, что все это – плод авторского воображения, и лишь со временем я уверовал в то, что рассказы Медведева – правда. Я терпеливо ждал, когда меня найдет *мой* Мастер, но годы шли, а он почему-то все не появлялся. И вдруг сегодня я читаю объявление в Интернете – так не выпал ли наконец и мне шанс навсегда изменить жизнь?!

Дрожа от возбуждения, я тут же написал китайке письмо. В нем я просил подробно рассказать о том, как можно стать учеником Ван Хунцзюня, сколько будет длиться обучение и в какую сумму это выльется. Отправив послание, я стал нервно ждать ответа. Каждые пятнадцать минут проверял почту; настойчиво открывал папку «Спам», опасаясь, что письмо с неизвестного адреса может попасть туда. В тот день я так и не дождался сообщения от Сун Лимин и улегся спать в крайне возбужденном состоянии.

Почти всю ночь я не мог уснуть, размышляя о том, что произойдет, если моей мечте суждено сбыться. Я пытался се-

⁶ В серии книг, написанных со слов Александра Николаевича его женой, Ириной Медведевой, рассказывается о том, как он шаг за шагом постигал древние секреты даосских «воинов жизни» под руководством загадочного Учителя.

бя убедить, что сегодня все возможно и препятствия на пути к исполнению желания не более чем иллюзия. Но потом накатывала волна пессимизма (или здравого смысла, что суть одно и то же), и я пытался взглянуть в глаза суровой правде.

Ну подумай, говорил я себе: отец с помутившимся рассудком в больнице, но через пару недель его выпишут – и с кем ты оставишь старика в таком виде? Допустим, неожиданно решится проблема с ним, но где ты возьмешь деньги на дорогу, обучение, проживание? Пусть лучше Сун Лимин не ответит, тогда ты успокоишься и будешь жить по-старому, в привычных рамках – или, скорее, тисках – родительского произвола.

Измученный противоречивыми мыслями, я уснул лишь под утро. Мне приснилось, что отец куском школьного мела нарисовал на черном полу корову – большую, в полный рост. Туша у нее была прозрачная, сердце и печень походили на острова, плавающие в невесомости, а кровеносные сосуды напоминали разветвленную сеть дорог или венецианских каналов. Отец кончил рисовать, поднялся на ноги и с озорной улыбкой съел остатки мела. Просто запихал его в рот и, довольно причмокивая, проглотил. Я почему-то очутился внутри нарисованной коровы. Так как она была прозрачная, я видел все, что происходит снаружи, и совсем не боялся застрять. Я спокойно ходил по тропинкам ее капилляров, соединенных с хайвэями артерий; взбирался по холмам внутренних органов и даже, словно на турнике, подтягивался на

ребрах. В результате с головы до ног перепачкался мелом...

Проснулся я от пронзительного металлического звука: включенный компьютер известил о том, что пришло письмо. Я немного полежал, приходя в себя от прерванного сна: он был удивительно ярким, образы его стояли перед глазами, как живые. Нехотя поднявшись, подошел к компьютеру и заглянул в ящик входящих сообщений. В строке отправителя я прочитал имя: Сун Лимин.

Я сел перед монитором и несколько минут не решался открыть письмо, словно оно могло содержать смертельный вирус. В конце концов, от него зависела моя дальнейшая судьба. Наконец собрался с духом и дважды щелкнул по «запечатанному» конверту мышкой.

Открылась страница, на которой вежливо и сухо было написано, что обучение с Учителем возможно в любое удобное для клиента время. Для этого нужно просто прибыть в деревню Хунцунь, расположенную в южной провинции Аньхой. Впрочем, услужливая Сун Лимин была готова забрать меня из любой точки Китая и сопровождать повсюду, где мне заблагорассудится.

Далее следовали выкладки касательно стоимости проекта. Месяц обучения обойдется в пять тысяч юаней, еще в две с половиной встанет перевод диалогов с мастером. Проживание на двоих (мне же ведь придется содержать и прелестную переводчицу) – пять-шесть тысяч. Плюс перелеты, переезды, питание – везде были обозначены приблизительные

суммы. В переводе на наши деньги проект обошелся примерно в двести тысяч рублей. А на случай непредвиденных расходов лучше было накинуть сверху еще полтинник.

Я пришел в уныние. Мне со своими уроками такую баснословную сумму нереально было скопить даже за год. Поэтому главным препятствием оказалось отсутствие финансов, а вовсе не состояние полубезумного отца. Пребывая в упадническом настроении, я поблагодарил Сун Лимин за подробное письмо и обещал подумать над ее интересным предложением. Хотя думать тут было не о чем – так мне казалось в тот момент. Однако жизнь очень скоро показала, что она полна самых неожиданных сюрпризов.

Приехав через день в больницу, я застал отца сидящим на кровати: он крепко обхватил руками поднятые колени и смотрел прямо перед собой. Старик производил благоприятное впечатление: встретил меня узнающим взглядом и даже слегка улыбнулся – неуловимым, как у Моны Лизы, движением губ. Но к разговорам был по-прежнему не склонен и хранил таинственное молчание.

Я выложил на тумбочку фрукты и протянул отцу очищенный банан. Он взял его и сосредоточенно стал есть, более не обращая на меня никакого внимания – словно забыл о том, что я нахожусь в палате. Когда старик доел банан, я протянул ему яблоко, но он, казалось, даже не заметил моего жеста. Снова поднял ноги в коленях, положил на них подбородок и устремился взглядом в какую-то точку на белой стене.

Я посидел еще немного на стуле рядом с кроватью, но, видя, что наше общение зашло в тупик, встал, кинул в пакет грязное белье и собрался уходить.

– Пенсия, – внезапно произнес отец ясным, хотя и слабым голосом.

– Что ты сказал? – воскликнул я, чуть не подскочив от изумления.

– Пенсия, – повторил он. – Ты должен посмотреть... за этот месяц уже должны начислить.

– Но как же я посмотрю? – удивился я. – Я даже не знаю, где твоя карточка.

– Карточка под матрасом, – прошептал отец. – Кодовое число: год моего рождения. Посмотри и скажи, пришли деньги или нет.

– Хорошо, – пообещал я. – В следующий раз обязательно скажу. Тебе привезти чего-нибудь?

– Да, – кивнул он и подозрительно огляделся по сторонам. – Купи три булки черного хлеба. Здешние сестры воруют весь хлеб.

– Ладно, куплю, – сказал я, стараясь не расплыться в ухмылке. – Выздоровливай. Я скоро приеду. Пока!

Окрыленный хорошим состоянием отца – слава богу, говорить будет! – я вернулся домой и первым делом забрался к нему под матрас. В воздух взлетели кучи фантиков от конфет, скомканная бумага, перья – все то, что, наверное, годами копилось под кроватью в его «берлоге». Старик стро-

го-настроного запрещал что-либо трогать у себя в комнате: боялся, наверное, что я нарушу упорядоченный хаос «мастерской» (так он называл «берлогу»). Раз в полгода он сам кое-как делал влажную уборку – хотя больше создавал видимость уборки. А такие мелочи, как мусорные кучи в постели, кажется, вообще не замечал.

У изголовья кровати я обнаружил карточку Сбербанка. На нее перечислялась пенсия, из которой отец ежемесячно выдавал мне восемь тысяч на пропитание. Про другие расходы старика я мало что знал: из всех возможных приобретений в глаза бросались только краски, кисти и бумага для рисования. Правда, он утверждал, что откладывает деньги себе на похороны, потому что, дескать, «безработный балбес», каким был я, не сумеет потянуть столь серьезные затраты и все обставить «по-человечески». Зная нищенские пенсии большинства стариков, я не особо верил, что он скопил сколь-нибудь значительную сумму. Но раз ему было угодно играть в спонсора собственных похорон, то я не перечил: дело, как говорится, хозяйское.

Я дошел до ближайшего банкомата, вставил карточку и ввел пароль. В следующее мгновение я испытал сильнейший шок: на счету лежало триста шестьдесят восемь тысяч сто сорок рублей! Мне показалось, я по ошибке забрался в чужой кабинет. Я извлек карточку, убедился, что она принадлежит отцу, заново вставил ее и повторил авторизацию. Сумма осталась неизменной. Да уж, старый хрыч, как тот фара-

он, готовился к пышному погребению! На эти деньги можно было воздвигнуть огромный памятник из черного гранита, обнести могилу витой оградой, а внутри поставить чугунные скамьи и стол для поминальных обедов с десятком приглашенных. Только, спрашивается, на кой черт мертвому человеку нужна вся эта роскошь? Местечко на кладбище можно и поскромнее обустроить. А деньги использовать куда более разумно...

Вы ведь уже догадались, куда я решил вложить капитал? Ну разумеется: в китайский проект! Теперь я спокойно мог позволить себе курс молодого даоса, и сбережений еще с лихвой останется на достойные похороны. Единственное, надо было решить, что делать с отцом – нельзя ведь забывать, что он пока жив и нуждается в уходе. Я подумал, было бы здорово задержать его в больнице еще на месяцок. Или пристроить в какой-нибудь пансион, где старикам за умеренную плату обеспечивают приличный уход.

На мое счастье, платные услуги такого рода оказывала та же больница, где он проходил лечение. Только это было другое отделение, в отдельном здании. Там располагалось что-то вроде санатория: больных гораздо лучше кормили, выводили на прогулку, специальные люди развлекали их по несколько часов в день и разрешали смотреть телевизор. Ну чем не рай для душевнобольных? Я поговорил с директором «санатория» и тут же получил положительный ответ: мест здесь хватало, я мог привозить отца в любой момент. Спрашивать

же старика, хочет ли он «отдохнуть» в пансионе, я не соби-
рался. В нашем семействе произошел «политический пере-
ворот»: отныне роль деспота на себя взял я.

Глава четвертая

– Ну вот мы и пришли, – весело объявила Сун Лимин, тыча пальцем в симпатичное здание на противоположной стороне улицы. – Лучший ресторан в Харбине!

Кирпичную стену фасада украшала вывеска на русском языке – «САМОВАР». У входной двери почему-то стояла статуя безрукой Венеры, а к ней нежно прильнула дворницкая метла. На мой взгляд доморощенного эстета, эти три элемента никак не увязывались в единую композицию, однако, помня про конфуз на вокзале, я не спешил озвучивать свое мнение. И правильно сделал: парадная дверь вела вовсе не в ресторан, а в салон лазерной косметологии – полагаю, именно туда и зазывала отшлифованная до блеска Венера.

Чтобы попасть в едальное заведение, нам пришлось обойти дом и спуститься по лестнице в неприметный полуподвальныйчик. Едва мы распахнули дверь в ресторан, меня окутал густой и пряный аромат китайской еды, приправленный не менее острым запахом дыма. Я даже растерялся: мне показалось, что мы попали не в зал для посетителей, а в кухонное помещение. Однако по просторной комнате свободно расхаживали несколько десятков человек, совсем не похожих на поваров (они были одеты в обычные куртки и пиджаки), и я понял, что Сун Лимин все-таки не ошиблась дверью.

Несмотря на русское название ресторана, соотечествен-

ников я здесь не приметил: посетители были сугубо азиатской наружности и громко общались по-китайски. Они ходили вокруг длинного, словно банкетного, стола, уставленного сотнями блюд, и заполняли ими свои подносы.

– Это что, шведский стол? – спросил я.

– Нет, – покачала головой Сун Лимин. – Это самовар.

Видя живое недоумение у меня на лице, она засмеялась и объяснила:

– Самовар – это ресторан, где люди сами себе готовят еду из свежих продуктов. Ну, то есть, *сами варят*. Понятно говорю?

– Понятно, – отозвался я, с подозрением разглядывая сырые яства на столе. – А я-то думал, увижу тут русский самовар – ну, что-то вроде чайника.

– Не-а, – лукаво улыбнулась китаянка. – Здесь только один русский чайник – это ты!

Я почувствовал, что опять заливаюсь краской – уже в который раз за день. Но, черт возьми, им-то я себя и ощущал, поэтому даже не мог как следует обидеться на ироничное замечание своей проводницы. Чтобы скрыть смущение, я с деланным энтузиазмом поинтересовался:

– Скажи, Сун Лимин, откуда такое знание русского жаргона? Где ты так обучалась языку, что даже говоришь без акцента?

– Нигде, – ответила девушка. – Моя мама родом из Москвы, русский для меня второй родной язык.

Так вот почему она такая высокая и красивая! – наконец-то дошло до меня. Мог бы и раньше догадаться: знал ведь, что китайки-полукровки – сногшибательные красотищи.

Сун Лимин вручила мне поднос и подвела к столу с гастрономическим изобилием. Большинство продуктов на блюдах имели неясное происхождение, они вызывали у меня скорее замешательство, нежели желание попробовать их.

– Как насчет супчика из морепродуктов? – небрежно спросила Сун Лимин.

– Ну, можно, – пожал я плечами. По меньшей мере, это звучало лучше, нежели филе из лягушачьих лапок.

– Тогда хватай вот это, – деловито сказала китайка, ставя на поднос тарелку с чищенной тушей здоровенного краба. – И овощи для супа... Думаю, ты не откажешься от жареной говядины с лапшой?.. Еще пару каких-нибудь салатов надо взять... Ладно, пока хватит, а то не унесешь.

Мы зашли в соседнюю комнату, где стояли большие деревянные столы со скамьями – за каждым умещалось человек шесть-восемь. Мы заняли пустой стол, где, видать, до нас сидели любители пощелкать жареные семечки. Черной шелухой была густо усеяна не только поверхность стола, но и пол вокруг него. Мы дождались, пока уборщица расчистит для нас место, и только после этого я осмелился поставить поднос.

Тут же подошла расторопная китайка в фартуке, неся

в руках газовую горелку. Через минуту она вернулась с кастрюлей и сковородой – наверное, по набору блюд на подносе поняла, что именно нам требуется. Поставив на большой огонь кастрюлю с водой для супа, она вытащила из-под фартука разделочный нож, виртуозно изрубила морское чудище на куски и забросила их внутрь. После этого улыбнулась и молча удалилась.

– Сун Лимин, ты можешь написать иероглифами фразу «*бин жу гао хуан*»? – попросил я, пока готовился суп.

Девушка удивленно поглядела, кивнула и, вытащив из сумки блокнот, размашисто набросала четыре знака. Вырвав листок, протянула его мне. В двух иероглифах я сразу опознал Гао и Хуана – своих «друзей» из сновидения. Оба коренастые, в поясах и треугольных шляпах. Становилось все интереснее.

– Вот эта парочка сегодня являлась ко мне во сне, – поведал я Сун Лимин, отчеркивая ногтем два последних знака. И рассказал содержание сна, не забыв упомянуть про разговор со студентом.

– Ну и ну, – изумленно произнесла китаянка, когда я закончил. – Представь себе, тебе приснилась древняя легенда об одном китайском императоре! Он сильно заболел и однажды во сне увидел, как его болезнь превратилась в двух человечков. Они рядом с ним вели разговор. Один сказал: «Я боюсь, что лекарь нам навредит». Другой сказал: «Не бойся. Мы спрячемся под «хуан» и под «гао», и лекарь с на-

ми ничего не делает!» Когда на следующий день врач пришел осматривать больного, он сказал: «Вашу болезнь излечить уже нельзя! Она находится под «хуан» и под «гао», куда лекарство попасть не может».

– Вот это номер, – озадаченно пробормотал я. – Ничего не понимаю. Я что, забрался во сне в сновидение императора? А «хуан» и «гао» правда означают «жир вокруг сердца» и «пространство между сердцем и диафрагмой»?

– Ну, да, – чуть поколебавшись, сказала девушка. – В старину медики использовали такие термины. Но студент тебе не совсем верно перевел фразу. В смысле, буквальный перевод правильный: «Болезнь поразила жизненно важные органы». Но ведь это идиома, и в современном языке она означает *безнадежную ситуацию, которую уже невозможно спасти*.

– То есть даже если сон вещий, мне пока не нужно готовиться к смерти? – засмеялся я. – Безнадежная ситуация – это все-таки не так печально, как безвременная кончина.

– Раз уж ты даос, то должен быть очень внимателен к своим сновидениям, – серьезно сказала Сун Лимин. – Особенно к тем, что пересекаются со снами-легендами. Но мы об этом поговорим позже, а сейчас давай принимайся за суп.

Меня не нужно было упрашивать. Кроме утреннего чая в поезде, во рту у меня сегодня ничего не было, и я набросился на исключительно наваристый, хотя и жидковатый, суп. Экзотические специи и травы придавали блюду немного стран-

ный привкус, но в целом это был праздник для желудка, и не только потому, что я был зверски голоден. Пока я хлебал супчик, Сун Лимин поставила на огонь сковороду и выложила в разогретое масло куски говядины.

Потом я попросил девушку написать иероглифами ее имя.

– Хочу посмотреть, как ты выглядишь на бумаге, – спросил я. – Может быть, ты мне тоже являлась в том сне в виде иероглифов?

– Может быть, – без тени улыбки сказала она и вновь начертила на бумаге несколько знаков своей непостижимой письменности. – Фрейд считал, что иероглифы – это язык снов. Он их сравнивал с символами подсознательного, так как и те и другие могут одновременно обозначать противоположные понятия.

– А иероглифы твоего имени что-нибудь означают? – поинтересовался я, вглядываясь в триаду знаков на белом листе.

– Первый – «Сун» – ничего не значит, это имя нашего рода. «Ли» означает «прекрасная», «мин» – «светлая».

– Ага, значит, ты прекрасная и светлая. Ну что ж, имя тебе вполне подходит. Родители как в воду глядели, давая тебе его.

Сун Лимин усмехнулась, игнорируя мою галантность.

– Китайцы верят, что имя определяет судьбу или характер человека, поэтому подбирают детям имена задолго до их рождения. Моего отца зовут Сун Чжицзюнь, это значит

«доблесть» и «армия». Он и вправду связал жизнь с военной карьерой. А имя твоего будущего Учителя – Ван Хунцзюнь – означает «великий и благородный муж». Можешь мне поверить, он такой и есть.

– Безоговорочно верю, поэтому здесь и нахожусь, – засмеялся я. – А правда, что иероглифы – это древние рисунки, и они максимально похожи на предмет, который изображают?

– Трудно сказать, – задумчиво сказала моя собеседница. – Иногда похожи, но чаще всего не очень. Может, изначально они и были точной копией предмета, но потом все равно пришлось стилизовать многие понятия. Как ты можешь, например, точно изобразить абстрактные идеи? Взгляни на мое имя: по-твоему, один иероглиф действительно *прекрасный*, а другой *светлый*?

Я снова взял в руки лист с именем Сун Лимин. Знак «ли» отдаленно напоминал верхнюю часть лица: два прикрытых глаза, прерванная линия носа, прямая морщина поперек лба. Выражение «лица» было скорее грустным, а его красота – весьма сомнительной. Иероглиф «мин» проще ассоциировался со своим значением. В двух разновеликих прямоугольниках при желании можно было увидеть Землю и Солнце: оно освещало нашу маленькую планету, перечеркнутую линией экватора.

Я поделился своими наблюдениями с Сун Лимин. Она меня похвалила, заметив, что мой стиль мышления действительно напоминает даосский.

– Мне кажется, я с самого рождения был даосом, только не знал об этом, – скромно сказал я, поощренный ее похвалой.

– А вот это мы сейчас проверим, – хитро блеснув глазами, заявила Сун Лимин. Подозвав «куню»⁷ в фартуке, она что-то прошебетала ей на китайском. Та кивнула и убежала на кухню, а через минуту явилась с блюдом. На нем были фигурно выложены огромные черные жуки.

– Что это? – содрогаясь от отвращения, спросил я.

– Это твой десерт, – сказала Сун Лимин, мягко подталкивая ко мне тарелку. – Тутовые шелкопряды. Сплошной белок. Угощайся, будь как дома!

– Я надеюсь, это шутка? – упавшим голосом произнес я. – Меня стошнит, если я просто притронуся к этим насекомым. Пожалуйста, не заставляй меня ими *лакомиться*.

– По-моему, тут кто-то давеча говорил, что родился даосом, – насмешливо заметила китаянка. – Если ты не сможешь пройти такой простой тест и съесть хотя бы одного жучка, то какой ты, на хрен, даос?! Настоящий даос проглотит живого червяка вместе с землей и даже не поморщится.

– Да знаю, читал, – хмуро отозвался я, нервно стуча ногтями по столу. – Только, признаться, не рассчитывал, что меня за мои же деньги будут заставлять жрать всякую гадость. Скажи еще, что это входит в курс обучения.

– А ты что думал, тебя положат на солнышко, сунут в руки трактат Лао-Цзы, и от этого твое мышление изменится на

⁷ Куня (искаженное китайское слово *guniang*) – девушка

даосское? – Сун Лимин издала короткий смешок – жестковатый, на мое ухо. – Очень европейский подход, я бы сказала. Даже не надейся на сладкую жизнь у Учителя...

– Кажется, меня на самом деле угораздило попасть *в безнадёжную ситуацию, которую уже невозможно спасти*, – уныло выдвинул я третью по счету интерпретацию своего сна. – Хорошо, я попробую съесть эту гадость и не блевануть прямо на стол. Только сначала докажи мне, что это действительно съедобно и ты не издеваешься надо мной.

Китаянка одарила меня насмешливой улыбкой и наотмашь ударила ладонью по одному из шелкопрядов. Послышался тошнотворный хруст треснувшей скорлупы. Из-под черных обломков девушка извлекла мясистый белоснежный кокон, с видимым удовольствием его съела и запила деликатес остывшим бульоном.

Под испытующим взглядом Сун Лимин я взял в руку второго жука и, зажмурив глаза, сжал пальцы. Когда лопнул чёрный панцирь, я постарался не скривиться от омерзения. И ни один мускул не дрогнул на моем лице, пока я жевал белковую массу. Впрочем, это оказалось нетрудно: «мясо» производителя шелковой нити в самом деле оказалось вкусным.

Проглотив последний кусочек, я посмотрел на Сун Лимин глазами великомученика, вдруг ставшего Победоносцем⁸. Только, в отличие от Святого Георгия, во мне эта ме-

⁸ Георгий Победоносец – наиболее почитаемый христианский святой, покровитель России.

таморфоза произошла при жизни, чему я был безумно рад. Можно сказать, первый экзамен на звание даоса я сдал весьма успешно. О том, что милая китайка приготовила мне еще одно испытание, я вспомнил уже под вечер, когда мы отправились в башню Дракона.

Глава пятая

Мы подъезжали к телебашне в сгустившихся сумерках. Чтобы не захлебнуться в вязком мраке и не сгинуть бесследно в черном провале ночи, Харбин вспыхнул миллионами огней. Белые лучи на острие башни безжалостно сканировали небо и землю, не давая им шанса погрузиться в зрительное небытие, найти успокоение в воображаемой пустоте ночного пространства. Я тоже терзал темноту: вспышками фотоаппарата. Ежесекундно нажимая на затвор, я оставлял в памяти суетливые, невыстроенные кадры: это был единственный способ вобрать в себя, поглотить без остатка сияющую красоту огромного города.

Попав внутрь Дракона, я вновь оказался посреди людского океана. Только в отличие от вокзала, где были сплошь азиатские лица, в башне перемешались представители всех наций и цветов кожи. Они в унисон говорили на знакомых и незнакомых мне языках – миф о Вавилонском столпотворении нашел здесь свою тотальную реализацию. Малость привыкнув к тому, что в Китае тебя постоянно окружает неимоверное количество человеческих особей, я уже не стал впадать в ступор, как утром. Ориентируясь на ладную фигуру Сун Лимин, я старался не отставать от нее ни на шаг, чтобы не затеряться в этой пестрой толпе. Впрочем, я даже не сильно боялся с ней разминуться: в конце концов, на руках

у меня была визитка отеля, и уж как-нибудь я бы сумел до него добраться.

Прежде чем вознестись на лифте к смотровой площадке, Сун Лимин провела меня по первым этажам, где находились залы развлечений. Абсолютно глупых развлечений, на мой взгляд: кому, кроме детей, интересны пластиковые динозавры в полный рост и прочие древние обитатели Земли? Или целая кунсткамера фантастических уродцев и пришельцев с других планет? Эти нелепые резиновые куклы раздражали меня до глубины души, а Сун Лимин хохотала, как ненормальная, и просила, чтобы я сфотографировал ее в объятиях то одного монстра, то другого – ну детский сад! Я старался быть вежливым и не подавать вида, что мне чертовски скучно, но китайка оказалась проницательной штучкой. «Эй, ты, бука, кончай злиться, – со смехом сказала она, – расслабься и получай удовольствие!» Я старался изо всех сил «получить удовольствие», но выходило как-то не очень. Особенно это перестало выходить, когда Сун Лимин приволокла меня в «императорскую» комнату – там можно было пофотаться в традиционных одеяниях китайских царедворцев.

Сначала она сама натянула костюм средневекового воина: стеганая фуфайка и коричневый плащ по щиколотки, на голове шапочка – перевернутый походный котелок с желтым платком вокруг шеи, в руках деревянный меч. Корча страшные физиономии, Сун Лимин лихо размахивала мечом, принимала воинственные позы и делала грозные выпады, я же

фотографировал ее забавы. А потом она потребовала, чтобы я облачился в костюм придворной дамы. Тут уж я не выдержал: покрутил пальцем у виска и заявил, что все, на сегодня довольно – сколько можно делать из меня идиота?!

– И ты полагаешь, что с таким настроем сумеешь стать даосом? – фыркнула Сун Лимин. – Ты раздражаешься по любому поводу, на каждом шагу комплексуешь, и главное – совсем не ловишь кайф от жизни. Ты все что угодно, только не даос!

– Вот приедем к Учителю, он и займется вплотную моим даосским воспитанием, – огрызнулся я. – А пока что буду ловить кайф по-своему, тихо, без абсурдных переодеваний и прочего веселья. Я не такой внутри, мне неинтересен весь этот балаган!

– Ты, наверное, забыл, что даос внутри – *никакой*, – безмятежно глядя на меня, сказала Сун Лимин. – А значит, он может быть *всяким*. И еще: в любой жизненной ситуации даос видит упражнение. Он его выполняет и тем самым обогащает свою внутреннюю *пустоту* новым содержанием. В этом – смысл бесконечного продвижения по пути Дао. Так что расцени переодевание в женское платье не более чем упражнение. Тебе просто нужно расслабиться и сделать это в свое удовольствие. Не думай о том, как посмотрят на тебя окружающие. Для даоса мнение других людей не существует.

– Ладно, уговорила, – буркнул я и, делая над собой громадное усилие, подошел к стойке с бутафорскими костюма-

ми. – Давай, ряди меня китайской матрешкой!

– Не матрешкой, а знатной дамой, – прыснула моя мучительница.

Она стала мне протягивать одну часть костюма за другой. Сначала велела натянуть через голову шелковую бордовую юбку с золотой оборкой. Потом подала темно-синюю, как ночное небо, блузу с широчайшими рукавами – по краям она была отделана красно-золотыми лентами. Увенчала эту неземную красоту алая шляпа. Ее поля украшала нить крупного жемчуга, а прихотливое сооружение надо лбом говорило о высоком происхождении фрейлины.

– Ну что, ваше величество довольны? – хмуро поинтересовался я, сцепив руки за спиной и сутулясь вдвое больше обычного. Таким дураком я себя давно не ощущал!

– Ты просто куколка, куколка! – восхищенно прищелкивая языком, сказала Сун Лимин. – Сейчас я сделаю несколько снимков, чтобы ты сам убедился! Только поиграй немного, подвигайся, улыбнись – ну побудь немного фрейлиной, а не *занудой занудовичем*...

Я был зол как черт и жаждал оставаться именно «занудой занудовичем», старым и вредным, но эта девчонка упорно делала из меня клоуна на арене цирка. Кому расскажешь – не поверят. Впрочем, хотела посмешище, о прекрасная и светлая Сун Лимин, – так получай посмешище!

От злости я стал совершать нелепые дерганые движения руками и ногами – актер театра кабуки сдох бы от зависти,

глядя на мой «танец»! Я почтительно соединял ладони и кланялся «императрице», а потом полз к ней на коленях, путаясь в юбке. Снова вскакивал на ноги и, раскинув крылья-рукава, семенил маленькими шажочками по комнате, аки девица в хороводе. Строил рожи в объектив и принимал чудовищные позы, за какие фрейлину наверняка бы предали публичной казни, привязав к коню и пустив его в чисто поле. Под конец я совсем распоясался: бухнувшись на золотой трон, победно задрал ноги и с голливудской улыбкой уставился на умирающую от смеха Сун Лимин.

Тут я услышал за спиной рукоплескание и многоголосый гогот. Резко вскочив, я обернулся – в дверях стояли три пожилые китайки в фартуках и с косынками на головах. Скаля наполовину беззубые рты, они всю потешались, глядя на мое шоу.

– *Ni kan! Lao wai pai zhao!*⁹ – проскрипела одна из них, а ее товарки задрали вверх большой палец и одобрительно потрясли им в воздухе.

– Что она там бурчит? – сквозь зубы спросил я, сбрасывая с себя шляпу и кокетливый блузон. На ходу задрал юбку, чтобы стянуть ее через голову, и поспешил укрыться от трех граций за стойкой с одеждой. – Что-нибудь типа: «Старый дурень совсем спятил»?!

– Да с чего ты взял? – удивилась Сун Лимин, проглядывая отснятые снимки. – Просто сказала, что ты иностранец, фо-

⁹ Посмотри-ка! Иностранец фотографируется! (*кит.*)

тографируешься. Это здешние уборщицы, они таких весельчаков каждый день сотнями видят. Вообще люди сюда для того и приходят, чтобы позабавиться. Ну признайся, тебе же понравилось? Ты так хорошо дурака валял!

Последняя фраза Сун Лимин меня буквально оглушила. Еще никто не говорил мне эти слова с восхищением, так, будто я сделал нечто расчудесное. Порой отец кричал: «Кончай валять дурака!» – и этим словно отвешивал мне незаслуженную пощечину: трудно было найти более серьезного человека, чем я, и тем обидней бывало мириться с презрительным тоном, каким старик это произносил. А сейчас вдруг оказалось, что *валять дурака* – совсем не плохо, наоборот – совершенно классно. По крайней мере, я вдруг осознал, что моя злость в процессе дуракаваляния куда-то испарилась, и вместо нее в душе образовалась приятная *пустота*. Не о ней ли давеча упоминала Сун Лимин?

Мы долго стояли в очереди на лифт: конечной целью всех посетителей была смотровая площадка, и лифтер без продыху гонял кабину туда-обратно. В отличие от других, я отнюдь не стремился попасть наверх – из-за страха перед высотой, о котором уже упоминал ранее. Поэтому я только радовался, что человеческий хвост перед заветной дверью укорачивается крайне медленно. Но все рано или поздно заканчивается; наступил момент, когда мы с Сун Лимин и еще двумя десятками счастливичков зашли в лифт.

Мучение началось, как только за нами закрылись двери. Кабина начала подъем с такой скоростью, что у меня моментально заложило уши и закружилась голова. Мне показалось, что я побледнел, и, желая скрыть это от Сун Лимин, отвернулся к стене. Но, боже, это оказалась не стена, а огромное окно с видом на Харбин! Я воочию увидел, как стремительно мы несемся вверх, оставляя далеко внизу самые высокие городские здания. Я испытал настоящий приступ акрофобии¹⁰: неистово заколотилось сердце, лоб покрыла испарина, а руки и ноги предательски задрожали. Я отчаянно испугался, что не устою и рухну на пол. Чтобы преодолеть ужас перед неизбежностью падения, я зажмурился и прижался лбом к стеклу. Это помогло пережить оставшиеся секунды подъема.

Мое состояние не укрылось от зорких глаз Сун Лимин. Когда мы наконец покинули лифт, он молча достала из сумочки платок и отерла мне лоб и виски.

– Я бы не дала тебе упасть, – сказала она и мягко сжала мне руку. – Но ты молодец, сам справился.

– Если бы я знал, что в лифте задняя стенка прозрачная, встал бы у двери, – проворчал я. – Каждый такой приступ мне, наверное, года жизни стоит. Помню, однажды отец решил меня наказать за какой-то пустяк (кажется, я тогда двойку получил) и запер одного на балконе. Он знал о моей фобии от школьного психолога и, сволочь, решил посмотреть, как люди себя ведут при панических атаках. Что ж, он уви-

¹⁰ Панический страх высоты, сопровождающийся выбросом гормонов стресса.

дел целиком всю клиническую картину, хоть снимай реалити-шоу для будущих психиатров. Я уткнулся ладонями и лицом в дверное стекло, чтобы случайно не сделать шаг назад и не вывалиться за перила. Мне казалось, что, если я хоть на сантиметр отодвинусь от двери, неминуемо полечу с пятого этажа. Я ревел благим матом, умолял отца впустить меня обратно, но он молча стоял за стеклом – руки в брюки – и презрительно смотрел на мои слезы и сопли. Полагаю, этим он лишний раз доказывал себе, что сын у него – слабак, никчемное создание. А у меня и вправду ноги ослабели до такой степени, что подкосились, и я рухнул на колени. Вне себя от ужаса, я уперся локтем в пол, чтобы не скатиться к бордюру, а другой рукой вцепился в ржавый карниз. В этом положении я провел минут пятнадцать, пока папаша не смиловился и не открыл дверь. Я буквально вполз в комнату ему под ноги, а этот изверг не сказал ни слова и ушел готовить обед. Я же еще полчаса тупо просидел на полу, пока он не вышел из кухни и не рявкнул: мол, быстро встал и пошел жрать!.. Так он меня и воспитывал, мой родитель.

– Да, суровый у тебя отец, – посочувствовала Сун Лимин, заказывая в баре два мартини, – только воспитатель плохой. Если бы он тогда нашел способ правильно решить проблему, ее бы уже давно не существовало.

– И что же он такого правильного мог сделать, чтобы я перестал бояться? – полюбопытствовал я, с жадностью делая глоток ледяного вермута.

– Ну, взял бы и сбросил тебя с балкона, – с серьезнейшим видом сказала китаянка. – Устрани источник проблемы – и проблема исчезнет сама собой!

В тот момент в моем безумном взгляде, наверное, смешалось все: недоумение, обида, ярость – как она могла *так злоститить* над моей бедой?! Видя, как болезненно я реагирую на ее слова, Сун Лимин покатила со смеху и ободряюще похлопала меня по спине.

– Знаешь, с чем у тебя настоящая проблема? – сказала она весело. – Ты слишком уж серьезно относишься к себе и своей несчастной жизни. Лелеешь обиды столетней давности, каждый раз с новой силой переживаешь тяжелые воспоминания. Так, друг мой, и с ума можно сойти. Кажется, я знаю, как помочь тебе уменьшить страх перед высотой. Или даже совсем от него избавиться. И это займет не больше пяти минут.

– Так я тебе и поверил, – скептически сказал я, залпом осушая бокал. – Великий психотерапевт Сун Лимин спешит на помощь!

– Ладно, пошли, Фома неверующий, – усмехнулась китаянка, – будем городом любоваться.

Мы вышли из бара и поднялись по винтовой лестнице на два этажа выше: там располагалась смотровая площадка – конечная цель наших блужданий по внутренностям Дракона. К моему облегчению, это оказалась закрытая круглая комната в виде кабины космического корабля – здесь все лучилось

серебристо-голубым светом. По диаметру комнаты красовались многочисленные окна-иллюминаторы, через них можно было созерцать виды Харбина. Чтобы добраться до иллюминаторов, нужно было встать на огороженную бордюром дорожку, бегущую по окружности кабины. Мы разулись, надели одноразовые тапочки – их здесь услужливо предлагали за три юаня всем желающим – и ступили на дорожку.

Сун Лимин предупредила, что я должен глядеть в иллюминаторы не прямо, а через экран цифровой камеры: так, мол, проще привыкнуть к мысли, что я созерцаю город с высоты ста восьмидесяти метров. Под ноги тоже не смотри, небрежно сказала китайка, просто передвигайся от одного окна к другому.

Надо признать, ее совет оказался эффективным: глядеть через объектив на спичечные коробки многоэтажек было очень комфортно, я не испытывал с этим никаких проблем. После четвертого по счету окна Сун Лимин предложила мне убрать фотоаппарат и выглянуть непосредственно в иллюминатор. Я немного поколебался, но сделал это. Внизу простирался горящий огнями город, и я понимал, что забрался невероятно высоко, раз вижу всю его безграничность. Но почему-то на этот раз я чувствовал себя защищенным, и даже тень страха не шевельнулась во мне. Я медленно переходил от одного окна к другому, а внутри меня росло и ширилось чувство уверенности, даже гордости за свое спокойствие.

За моей спиной снова раздался голос Сун Лимин. Она велела мне продолжать двигаться по кругу, но только теперь глядя себе под ноги. И вот тут-то я понял, какой сюрприз она для меня приготовила: пол на дорожке был стеклянный! Под ним зияла устрашающая пустота, и безбрежный океан огней плескался теперь прямо подо мной. При этом я живо почувствовал, что нас разделяют многие десятки метров – я словно висел в воздухе.

От неожиданности и потрясения я застыл на месте, а потом вдруг потерял равновесие: меня повело в сторону, и чтобы не упасть, я вцепился в бордюр. В приступе нарастающего страха мне показалось, что стекло под ногами сейчас треснет, разобьется и я совершу последнее в жизни стремительное путешествие вниз. Захотелось немедленно, пусть даже с позором, покинуть стеклянный круг, и я сделал движение, чтобы сойти с него, но сзади мне на плечо опустилась рука Сун Лимин – сейчас она была словно железная.

– Продолжай идти, – тихо приказала она. – Ничего страшного не случится, можешь быть абсолютно спокоен. Я тебя подстрахую, если что.

Ее голос не исцелил меня в мгновение ока, но благодаря ему я восстановил утраченный баланс тела. Подавив ужас, я продолжил ходьбу. Ноги у меня были словно каменные, однако они не дрожали и не отказывали – я медленно делал шаг за шагом, продвигаясь вопреки всему. Когда я завершил прогулку над пропастью и сошел с круга, мне показалось, что

прошла целая вечность. В эту вечность канул без следа мой ненавистный страх перед высотой.

Покидая башню Дракона, я ощущал себя новым человеком.

Глава шестая

Я был начинающим путешественником, но и при всей своей неопытности понимал, что наша трехзвездочная гостиница отличается весьма *умеренными* достоинствами. Про летучих пауков в ванной комнате я уже говорил, про великолепную слышимость в номерах тоже. К этому надо добавить, что в отеле в принципе отсутствовал лифт. Подниматься по высоченным ступеням на пятый этаж и тащить за собой отцовский чемодан-инвалид было то еще удовольствие!

Однако *самыми* умеренными достоинствами обладали, пожалуй, завтраки для постояльцев: утренняя трапеза в ресторане включала жуткое соевое молоко, малоаппетитные на вид вареные или пареные овощи, да еще пресные булочки из бледного теста. Даже Сун Лимин отвернула нос от этого убожества. Она заявила, что мы отправляемся завтракать в другое место, где наверняка найдем что-нибудь более соблазнительное.

Мы вышли из отеля и пересекли дорогу. На другой стороне улицы стояло здание европейской архитектуры начала XX века. Над его распахнутой дверью красовалась шестиконечная звезда, а еще выше – зеленая вывеска с уютной надписью Coffee Bar. Это было как раз то, что могло сейчас согреть душу и тело: кофейня в синагоге, открытой сто лет назад на севере Поднебесной.

Внутри витал одуряющий аромат кофе. Учувяв его, уже невозможно было думать о чем-либо другом. На первом этаже мы заказали по большой чашке капучино с куском творожного торта и по витой лестнице поднялись наверх. Небольшая закругленная комната была пуста, и в этой пустоте пронзительно ощущалось *время*. Оно стелилось невидимой дымкой под потолком с грубой штукатуркой, поскрипывало в деревянном полу с потертыми половицами, пристально смотрело со старинных черно-белых фотографий на неровных стенах. Давно канувшая в небытие эпоха чудом задержалась здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.